

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

А. Ф. Белоусов

**ПРОТИВ ПРАЗДНОГО
И ВРЕДНОГО ЧТЕНИЯ:
ПИСАТЕЛЬ-ПЕДАГОГ Е. К. КЕМНИЦ¹**
УДК 37.017
ББК 74.03(2)5-8Кемниц Е.К.+83.3

Евгений Карлович Кемниц (1832–1871) – самоучка, ставший одним из ведущих экспертов по вопросам педагогики в 1860-е гг. Его обзоры и рецензии, публиковавшиеся в журнале «Учитель», привлекали внимание педагогической общественности глубиной мысли, независимостью суждений и полемическим задором. Он отстаивал традиционный для просветительской педагогики подход к детской литературе, призывал к изображению действительности как к единственно правильному способу воспитания.

Ключевые слова: Кемниц; детская литература; педагогические требования; просветительская традиция.

A. Belousov

AGAINST THE IDLE AND DAMAGING READING: PEDAGOGICAL WRITER JEVGENIJ KEMNITZ

Jevgenij Kemnitz (1832–1871) was self-taught. However he became one of the leading experts on issues of pedagogy in the 1860-ies. His reviews and critics which published in the journal “Teacher” attracted the attention of the pedagogical public to the depth of thought, independence of judgment and the polemical enthusiasm. He defended the traditional for Enlightenment pedagogy approach to children’s literature, called for the depiction of reality as the only way of proper education.

Key words: Jevgenij Kemnitz; children’s literature; pedagogical requirements; Enlightenment tradition.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

Евгений Карлович Кемниц родился в 1832 г. в городе Чугуеве Харьковской губернии в семье военного дирижера*. Он был болезненным ребенком, поэтому долгое время воспитывался дома, и только в 16 лет Е. Кемница отдали в Киевскую гимназию. Однако закончить ее он так и не смог: помешала очередная болезнь.

В 1857 г. Е. Кемниц поступил в Харьковский университет. Здесь его ждала другая беда: ему не на что было жить. Единственным способом добыть кусок хлеба для Кемница-студента явилось переложение нот для шарманки¹. Он месяцами не обедал и, в конце концов, вынужден был бросить университет и отправить-

ся пешком к родным. Впоследствии Кемницу не удалось прослушать курс и в Петербургском университете, который он посещал в 1860–1861 гг. Из-за студенческих волнений Петербургский университет в конце 1861 г. был временно закрыт.

Испытания закалили Кемница. Он всегда довольствовался самыми скромными условиями жизни. Хорошо знавший его известный петербургский литератор П. А. Гайдебуров писал: «Кемниц жил буквально отшельником. <...> В его жизни бывали периоды, когда он не только неделями, но даже целые месяцы безвыходно просиживал в своей комнате, окруженный многочислен-

¹ В. К. Кемниц Евгений Карлович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1895. Т. 28. С. 923.

*Педагогическая критика детской литературы — явление малоизученное. Казалось бы, совершенно очевидно, что педагоги сыграли важнейшую, если не сказать определяющую роль в формировании границ самого понятия «детская литература». Педагогические дискуссии о детской литературе являлись и являются неисчерпаемым источником для реконструкции «нормативной поэтики» детской литературы.

И в то же время педагогика детского чтения трактовалась в гуманитарных дисциплинах исключительно как практическая сфера деятельности, внеисторично и автономно, без учета «глубины памяти» методов цензурной, рекомендательной и критической деятельности педагогов. Вместе с тем, педагогические концепции детской литературы могут быть рассмотрены, как единая и непрерывная традиция, проявляющаяся на разных уровнях: в преемственности персональных позиций педагогов, инерции критических жанров, развитии идей о составе литературно-дидактического канона, единстве цензурных критериев и пр.

Фигура педагога-критика детской литературы до последнего времени практически не привлекала историков. Е. О. Путилова опубликовала несколько очерков о Н. А. Саввине, О. И. Капице, Э. И. Лилиной, А. К. Покровской в своей монографии, посвященной истории критики советской детской литературы 1917–1941 годов. Кроме этой монографии, не существует ни частных, ни обобщающих работ, где была бы представлена типология критиков детской литературы, аксиология критической мысли, история отдельных групп критиков-педагогов, занимавшихся детским чтением.

Предлагаемые ниже статьи представляют результаты исследований персональных позиций авторитетных отечественных педагогов. Эти исследования ведутся в рамках проекта «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Участники проекта прослеживают наиболее общие нормативные утверждения педагогов: какой следует быть детской литературе, какая тематика допустима в детской литературе, какова социальная и воспитательная роль детской литературы.

ными сочинениями преимущественно немецких авторов»¹. Его университетом стала «беседа» с книгами, которую он, по образному выражению того же Гайдебурова, «всегда предпочитал беседе с людьми». Именно эта бесконечная «беседа» не только сделала Кемница широко образованным человеком, но и определила род его будущей деятельности.

С 1862 г. Е. К. Кемниц сотрудничает в журнале «Учитель».

Этот журнал, предназначавшийся «для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием и обучением детей», начал выходить в Петербурге в 1861 г. и оставил заметный след в истории русской педа-

гогики. Его основателями и первыми издателями-редакторами являлись известные педагоги-общественники того времени Иосиф Иванович Паульсон (1825–1898) и Николай Христианович Вессель (1837–1906).

Основные положения программы «Учителя» были заявлены в редакционной статье, открывшей первый номер журнала. Он должен был соответствовать новым требованиям к воспитанию и обучению, которые выдвигаются в связи с преобразованиями в общественной и государственной жизни России, последующими за отменой крепостного права. Важнейшей задачей становится приготовление

¹ П. Г. <Гайдебуров>. <Е. К. Кемниц> Некролог // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 20 августа. С.1.

Открывает блок статья о профессиональном педагоге, в 1860-е годы одним из первых обратившемся к критике детской литературы — Евгении Кемнице. Уже в работах Кемница намечаются основные «болевые точки», тревожащие педагогов: допустим ли жанр сказки в круге детского чтения, нужна ли детская книга, не содержащая «полезных сведений», в состоянии ли юный читатель самостоятельно понимать прочитанное, все ли жанры, темы и сюжеты годятся для детской литературы, позволительно ли писателям пренебрегать воспитательными задачами. И Николай Позняков, и Мария Цибрикова, и Евгений Елачич, и, наконец, Надежда Крупская — все они так или иначе оставались в плену этой проблематики. Казалось бы, за пятьдесят с лишним лет могли произойти какие-то качественные изменения в понимании названных аспектов. Но, как демонстрируют материалы статей, принципиальных сдвигов не происходит: инерция педагогической мысли оказывается непреодолимой.

При этом существует устойчивое мнение, что советская критика детской литературы была качественно иной по отношению к дореволюционным предшественникам, что она «повернулась лицом к ребенку». Однако и дореволюционные, и пореволюционные критики с равным энтузиазмом и задором борются со сказкой, требуют от детской литературы отражения социальной действительности, призывают изображать «бодрую и здоровую» жизнь, навязывают жесткую превентивную и карательную цензуру детских книг, ограничивают жанровые и стилистические эксперименты, настаивают на первичности воспитательной функции детской литературы и пренебрегают изучением читателя-ребенка.

Конечно, не одни только крупные педагоги писали о детской литературе — большое число школьных учителей, воспитателей детских учреждений и чиновников образования разрабатывали критический инструментарий применительно к книгам для детского чтения. И хотя для многих «рядовых» работников образования детская литература не представлялась столь одномерной, все же очевидно, что основной тон и интерпретационную рамку задавали те, кому посвящены статьи предлагаемого блока. (Авт. - С. Г. Маслинская)

«человека, прежде всего для действительной жизни»¹. Характерен уже сам эпиграф редакционной статьи: «Из жизни — для жизни».

Идея приготовления «человека, прежде всего для действительной жизни» утверждалась в остром соперничестве с другими приоритетами детской культуры. Одной из самых проблемных педагоги считали ситуацию на книжном рынке, где, по их мнению, было мало полезных, но очень много пустых книг, годных лишь для праздного чтения. Особое значение приобрела критика детской литературы, которая помогла бы наставникам и родителям ориентироваться в книжном море.

Это прекрасно понимали редакторы «Учителя». Начиная с № 8, в журнале появляется раздел «Критика и библиография», который почти год был посвящен только детским книгам.

Вел раздел Феликс Густавович Толль (1823—1867)².

Ф. Г. Толль — педагог. Активный участник кружка М. В. Петрашевского, он был арестован и приговорен к расстрелу, замененному каторгой и ссылкой. Еще находясь в ссылке, Толль заинтересовался детской субкультурой. Вернувшись в Петербург, он стал членом Петербургского комитета грамотнос-

ти, при котором основал «Комиссию по одобрению книг». Более компетентного эксперта по детским книгам в России того времени не было.

Аннотации и рецензии Толль предваряет замечаниями об общих проблемах детского чтения и выдвигает основные требования к детским книгам. По его мнению, они должны быть написаны безупречным и понятным детям языком, иметь безусловно нравственное и умное содержание и, наконец, быть занимательными. Очень важно требование безусловно умного содержания, которому не отвечали, к примеру, сказки. «Поэтому, — писал Толль, — мы, в большей части случаев, враги сказок, в которых фантастический элемент отъединен от познавательного и нравственного»³. Отношение Толля к сказкам характерно для просветительской идеологии, принципы которой разделяли многие педагоги.

В начале 1862 г. в «Учителе» были напечатаны последние критические аннотации Толля⁴. Более полутора лет журнал не рецензировал детские книги, и только осенью 1863 г. в критико-библиографическом разделе вновь появляется рубрика «Детские книги». Автором рецензий и был Евгений Карлович Кемниц, который к тому времени уже публиковал в «Учителе»

¹ Учитель. 1861. № 1. С. 1.

² Зиневич Н. А. Ф. Г. Толль (1823—1867): Очерк жизни и деятельности. М.: Книга, 1964. 56 с.

³ Учитель. 1861. № 8. С. 315.

⁴ Критические аннотации и рецензии Толля на детские книги из журнала «Учитель» собраны в: Толль Ф. Г. Наша детская литература: Опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. 332 с.

рецензии на учебную литературу по русскому языку и истории.

Остановимся на первых рецензиях Кемница.

Они начинались рецензией на книжку неизвестного автора «Нептун». (СПб., 1862). «Нептун» — так зовут «почтенную, добродетельную» ньюфаунлендскую собаку, которая служит для детей «примером отличной нравственности и похвального поведения». Иронизируя над «благим намерением» автора, Кемниц обращается к нему со следующими замечаниями: «Нравственность, нравouchения, мораль — все такие вещи, с которыми надобно обходиться крайне осторожно. Если вы будете беспрестанно петь детям в уши о нравственности, то надоедите и достигните цели противоположной той, которой хотели достигнуть: вы внушите им отвращение ко всему, что носит имя нравственного»¹. Вообще говоря, Кемниц был уверен, что книга, «довольно большая по объему и наполненная исключительно рассказами о детях, да притом еще о самых простых, незамечательных фактах, не может быть ни занимательна, ни поучительна». Для этого, считает Кемниц, надо знакомить детей с «явлениями и законами природы» и давать им другие, «полезные сведения».

Иначе строится его рецензия на книжку С. Буташевской² «Дневник девочки» (СПб., 1862), где описыва-

ются и объясняются такие же простые, ежедневные предметы и явления природы. «Описание это, — по мнению Кемница, — далеко не полное и не систематическое, объяснение не основательное и не глубокое, но благородная простота рассказа, сквозь которую слышится высокое нравственное чувство и уменье автора объяснять явления природы совершенно доступно детскому пониманию, стать при объяснении их на детскую точку зрения придают этому дневнику большое достоинство. Здесь вы не найдете ничего пошлого, никакой пустой болтовни. Каждая строчка будет интересной для ребенка, в котором не погибло нравственное чувство»³. Высоко оценивая «Дневник девочки», Кемниц солидаризируется с Тургеневым, цитируя его предисловие к книжке Буташевской. Однако далеко не все в «Дневнике девочки» понравилось Кемницу. Отмечая стремление автора объяснить «законы жизни», он критикует «мистико-телеологический взгляд на природу», лежащий в основе повести Буташевской, что, впрочем, не мешает Кемницу рекомендовать «Дневник девочки» «каждому ребенку».

От отечественной словесности Кемниц легко переходит к литературе современной Европы. В рецензии на перевод романа английской писательницы Каррер Белль «Наставница, или пансион в Брюсселе» (СПб, 1860) он демонстрирует отличное знание анг-

¹ Учитель. 1863. № 17. С. 829.

² С. Буташевская — псевдоним Софьи Михайловны Буткевич (ур. Аничковой). См. о ней: Беллудубровский Е. Б. Буткевич Софья Михайловна // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 375–376.

³ Учитель. 1863. № 17. С. 830.

лийской литературы. Оценивая этот роман, Кемниц подчеркивает его общеизвестные достоинства: «Все это написано с тою простотою, естественностью и правдивостью, с какою умеют изображать жизнь и характеры только лучшие английские романисты»¹. Его рецензия полна похвалами «удивительному искусству» и «мастерству» писательницы: «сколько жизни и действительности» в том или ином персонаже ее романа. «Люди и жизнь, — пишет Кемниц, — отражаются в романе такими, как они есть на самом деле со всеми их недостатками». Он уверен, что «этот роман будет чрезвычайно занимателен и в то же время плодотворным чтением для детей». Единственный недостаток книги — перевод «довольно неуклюж». Отдадим должное вкусу Кемница: Каррер Белль — псевдоним выдающейся английской писательницы Шарлотты Бронте (1816—1855).

Однако среди книг английских романистов и романисток попадаются и совсем другие произведения, примером которых может служить роман Юлии Каваны «Магдалина» (1862). Это, по определению Кемница, «один из так называемых нравственных романов»². Идеально-высокая цель романа, призванного показать, какую роль в жизни играет твердая вера в провидение, реализуется «героями-автоматами», действующими по воле автора, который к тому же постоянно объясняет, какими помыслами мотивируются их поступки. «Беспрестанные пересыпания рассказа религиозными

размышлениями и сентенциями, обратившимися в общие места, какой-то тяжелый, натянутый пиетистический тон, господствующий во всем романе, — все это вместе делает чтение романа очень утомительным; и едва ли какое-нибудь дитя, даже самое благонаправленное, будет в состоянии дочитать его до половины».

В следующем году Кемниц стал вести в «Учителе» отдел «Педагогическое обозрение», что отразилось на его работе в критико-библиографическом отделе журнала. Он стал меньше и реже рецензировать детские книги. Однако его рецензии привлекают внимание педагогической общественности. Особенный резонанс имела рецензия Кемница на «Полное собрание сказок» Андерсена (СПб., 1863—1864).

Она начинается описанием предпраздничных забот родителей, которые ищут, чем бы занять и развлечь детей, и по традиции покупают для них сборники сказок. Далее Кемниц обращается к родителям, предупреждая их о том, что «все эти фантастические и волшебные сказки, которыми вы так любите усердно потчивать ваших детей, слишком далеки от того, чтобы сообщить детям правильный, трезвый взгляд на вещи или чтобы приучить их к строго логическому мышлению. После чтения таких вещей у детей в голове остается сумбур. Воображение развивается до такой уродливо-несоответственной степени, что грозит взять решительный перевес над рассудком, и это, конечно, также не может быть

¹ Учитель. 1863. № 20. С. 981.

² Учитель. 1863. № 20. С. 981—982.

особенно выгодно для умственного развития детей»¹. От обычных для просветительской педагогики претензий к сказочной фантастике рецензент переходит к оценке творчества Андерсена. Одни его сказки, по мнению Кемница, носят сентиментально-мистический характер, другие отличаются слишком вычурным и замысловатым сюжетом, третьи написаны на чересчур избитые темы. Лишь две-три из сказок Андерсена, с точки зрения сотрудника педагогического журнала, годятся для детского чтения.

1864 год ознаменовался уходом из журнала Н. Х. Весселя.

Вессель стал членом педагогического комитета Военного министерства и был назначен редактором «Педагогического сборника», который начал издаваться при Главном управлении военно-учебных заведений министерства. В первых номерах нового педагогического журнала печатался и Кемниц². Однако этим его сотрудничество в «Педагогическом сборнике» и ограничилось.

Оставшись в «Учителе», Кемниц за 1865 г. опубликовал несколько больших работ («Гигиенические условия воспитания», «Совет педагогам касательно двоякого рода умственных способностей в питомцах», «Уроки французского языка по генетической методе») и вел «Педагогическое обозрение». Из рецензий же Кемница в этом году отметить особо нечего.

Гораздо интереснее его рецензии 1866 года.

Одна из них посвящена «Рассказу Сосны» А. Л. Урусовой (М., 1866). Кемниц начинает сообщением о том, что в современной Европе возник новый жанр естественно-исторической параболы, повествование в котором может идти от лица предмета (хотя бы той же сосны), рассказывающего свою «естественную» историю. Этот рассказ о живой природе, считает Кемниц, был бы куда интереснее и полезнее сочинения княжны Урусовой со всеми его «фантастическими сказочными элементами»: лешим, мертвецом и т. п.³.

Отрицательное отношение просветителей 1860-х гг. к сказкам было хорошо известно. Его вышучивает Тургенев в своем предисловии к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро: «Наше положительное и просвещенное время начинает изобиловать положительными и просвещенными людьми, которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьезным — и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты»⁴. Выпад Тургенева не остался без внимания. В рецензии на сборник Перро Кемниц цитирует предисловие, ограничиваясь, как правило, краткими комментариями, и только однажды,

¹ Учитель. 1864. №13–14. С. 536–537.

² См.: [5] и [6].

³ Учитель. 1866. № 2–3. С. 108–111.

⁴ Тургенев И. С. Предисловие <к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро» // Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. Т.10. М.: Наука, 1982. С. 344.

когда речь заходит о признаках даровитости и ума у детей, вступает в полемику, решительно не соглашаясь с тем, что они связаны с детской верой в чудеса¹. Однако не спорность и сомнительность предисловия определяют негативную оценку сборника. Гораздо опаснее влияние, которое произведут на детей сами сказки, например, «ужасы», испытанные брошенными в лесу и затем попавшими к людоеду Мальчиком-с-пальчик и его братьями, или «страсти», которыми распалены герои сказки «Ослиная кожа» и которые растлевают молодое воображение.

Сказки — не единственный жанр детского чтения, принципиальным противником которого был Кемниц. Столь же строго он относился и к историческим романам, о чем свидетельствует его рецензия на переделку для юношества романа Вальтера Скотта «Ivanhoe»². Хороший исторический роман (вроде «Айвенго»), по мнению Кемница, давая читателю некоторые сведения, в то же время отнимает у него очень много времени на праздное чтение и засоряет его память и воображение вымыслами и ненужностями. Вообще говоря, самая форма романа действует на ум молодого читателя, в связи с чем воспитанников следует оберегать от этой «пряной пицци». Ее должны заменить «вполне правдивые биографии людей, живших в различные исторические эпохи».

1867 и 1868 годы, судя по всему, были трудным временем для

«Учителя». Объем журнала уменьшился, он стал реже выходить, из него исчезают привычные разделы (как произошло, например, с «Критикой и библиографией», который вновь появляется только к концу 1868 г.) и резко возрастает количество анонимных публикаций. В связи с этим сложно атрибутировать ту или иную заметку. Так, в единственном за это время разделе критико-библиографических материалов, посвященном литературе о странах и народах мира, речь заходит и о роли фантастического элемента в жизни детей. Автор раздела, подобно Кемницу, считает, что фантазию не следует развивать в ущерб знаниям о мире. Ее развитие может происходить не только на сказочной основе: путешествия — очень полезный материал для развития воображения³. Однако приписывать эту рецензию именно Кемницу не стоит — так тогда думали многие педагоги-просветители. Их позицию мог озвучить и кто-то другой. Во всяком случае, рецензия написана менее энергично и не столь бескомпромиссно, как это выходило у Кемница.

Восстановление «Учителя» в прежнем виде происходит в 1869 г. Об этом свидетельствовало и возвращение в журнал больших статей Кемница, таких, как «Очерки древнего мира. Три произведения античного искусства», «Умственные упражнения», «Уроки научной арифметики по генетической методе», его новые критико-библиографические заметки.

¹ Учитель. 1866. № 22–24. С. 896.

² Учитель. 1866. № 9–10. С. 371–373.

³ Учитель. 1868. № 17–24. С. 344.

Одна из заметок Кемница посвящена магистральной теме критика — борьбе со сказками и вообще с фантастикой. Его рецензия на новые сборники сказок начинается обращением к читателям, в котором Кемниц напоминает о своем отношении к фантастическому элементу и объясняет, что это вовсе не «педантизм», как заявляют протестующие, а вполне обоснованная общественно-педагогическая позиция¹. Он не отвергает «все фантастическое безусловно». «Вообще говоря, — пишет Кемниц, — всякий фантастический рассказ, если только он не лишен художественности и поэтичности, и если в нем нет ничего, что могло бы вредить нравственности, можно смело дать детям». Но дело в том, что «большая часть рассказов, которые циркулируют под именем “сказок”, “волшебных” и других, вовсе не удовлетворяют этим условиям». Вознаграждаемая в сказках добродетель, по его мнению, сомнительна и, в сущности, представляет собой не более чем «благо-разумный эгоизм». Сама фантазия, переносящая за пределы действительного мира, вызывает у читателя опасное настроение «праздности» и «ленивой беззаботности», потому что в сказочном мире достижение счастья приписывается не внутренним усилиям и не достоинствам человека, а внешним случайностям. Если сказки и не производят такого настроения, то их все равно следует запретить, потому

что они «ужасно глупы, бессмысленны и грубы, изображают не людей, а какие-то уродливые фигуры, не имеющие ничего человеческого». «Все это, — заключает Кемниц, — не может не быть вредным как для развития ума, так и для развития изящного чувства, которые также имеют право на внимание со стороны воспитателя»².

Обстоятельства сложились таким образом, что эта рецензия стала последним словом Кемница о сказках. Если сравнить ее с более ранними высказываниями критика, то видно, сколь постоянен был Кемниц в своих взглядах. Он, действительно, обладал «полнейшей независимостью убеждений и готовностью отстаивать их везде, всегда и при всевозможных обстоятельствах»³.

В отличие от сказок с их «волшебными бреднями», Кемниц высоко оценил журнал «Детское чтение», который начал издаваться молодыми педагогами во главе с А. Н. Острогорским в Петербурге в 1869 г. Он особо отметил отсутствие в нем «пустых и праздных побасенок» и одобрил серьезный характер, глубокий смысл и доброкачественность публикаций. Его порадовал и внешний вид журнала: отменная бумага, шрифт, политапажи и нарядная обложка. В то же время Кемниц высказал и ряд претензий к «Детскому чтению». Основная была связана с «патриотизмом» журнала, который вместо все-

¹ Учитель. 1869. № 9–10. С. 330.

² Учитель. 1869. № 9–10. С. 331–332.

³ П. Г. <айдебуров>. <Е. К. Кемниц> Некролог // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 20 августа. С. 1.

мирных, общечеловеческих тем писал только о России¹.

Менее плодотворным для Кемница стал 1870 год. Его сотрудничество в «Учителе» ограничилось лишь критико-библиографическими, хотя и довольно многочисленными заметками. Особое значение в общепедагогическом отношении имела обстоятельная и серьезная рецензия Кемница на книгу К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (СПб., 1868–1869). Однако и отклики критика на гораздо более мелкие события в русской детской книжности были весьма содержательными.

Определенный интерес для современного читателя может представлять рецензия на «Детский сборник, составленный Вл. Сорокиным» (СПб., 1870). Дело в том, что дефекты, отмеченные в нем Кемницем, встречаются до сих пор: это и несоответствие, а иногда даже чуждость некоторых текстов (особенно стихотворных) детским интересам, и публикация отрывков, тогда как «всякое истинно-изящное произведение, — указывал Кемниц, — действует на нас только своим целым». В то же время весьма неожиданна критика Кемницем поэзии Некрасова: «Из произведений этого поэта для детей годится очень немного, во-первых, уже потому, что автор их — представитель ложного «натурального» направления в искусстве; и потому от чтения их можно ожидать только извращения эстети-

ческого вкуса детей»².

Общее представление о литературно-эстетических взглядах Кемница дает его рецензия на «Рассказы для маленьких детей» (М., 1870). Открывается она рассуждением о проблемах повестей с детьми-персонажами, которые вызывают лишь скуку и отвращение у своих читателей. Это, по его мнению, неизбежно: «Детская жизнь крайне бедна фактами; о событиях же или происшествиях в настоящем смысле слова, в ней, само собою понятно, не может быть и речи»³. Если повести с персонажами-детьми обречены на изображение «скучнейшей обыденности», то во взрослой литературе она возникает под влиянием «ложных теорий, господствующих в настоящее время». Писатели думают, что «существенное условие изящного состоит в возможно верном воспроизведении действительности». Вместо изящного, поэтического произведения получают «географические» или «этнографические» очерки. Литература занята изображением «будней». Окружающая действительность предстает, как серая, будничная «канитель». Исчезли определенные характеры. Цельность и стройность уступили место отрывочности и «нескладице». «Изящный вкус сделался большой редкостью».

Отмеченные Кемницем недостатки современной литературы возникают в XIX в. и связаны с усвоением идей и художественных принципов «таких новейших» направлений, как

¹ Учитель. 1869. № 24. С. 783–784.

² Учитель. 1870. № 23–24. С. 777.

³ Учитель. 1870. № 22. С. 719.

романтизм и натурализм. В этом отношении Кемниц — «архаист». Его литературная позиция характерна для эпохи Просвещения, что соответствовало «духу» 1860-х гг.

Евгений Карлович Кемниц был одним из деятелей этой замечательной эпохи. Он и биографически почти не вышел из ее рамок, лишь ненадолго пережив журнал «Учитель», закрывшийся в 1870 году¹.

Список литературы

1. Белодубровский, Е. Б. Буткевич Софья Михайловна / Е. Б. Белодубровский // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 375—376.
2. В. К. Кемниц Евгений Карлович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. — СПб., 1895. — Т. 28. — С. 923.
3. П. Г. <айдебуров>. <Е. К. Кемниц> Некролог / П. Гайдебуров // Санкт-Петербургские ведомости. — 1871. — 20 августа. — С. 1.
4. Зиневич, Н. А. Ф. Г. Толль (1823—1867): Очерк жизни и деятельности / Н. А. Зиневич — М.: Книга, 1964. — 56 с.
5. Е. Кемниц. Педагогическая библиография / Е. Кемниц // Педагогический сборник. — 1864. — Кн. 1. Часть неофициальная. — С. 82—94.
6. Е. Кемниц. Педагогическое обозрение / Е. Кемниц // Педагогический сборник. — 1864. — Кн. 3. Часть неофициальная. — С. 253—266.
7. Толль, Ф. Г. Наша детская литература: Опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении / Ф. Г. Толль. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. — 332 с.
8. Тургенев И. С. Предисловие <к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро> / И. С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. — Т. 10. — М.: Наука, 1982. — 607 с.
9. Учитель: Журнал для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием и обучением детей. — СПб., 1861—1870.

¹ Обычно датой его смерти указывается 16 августа 1871 г., но в некрологе, написанном мужем сестры Кемница П. А. Гайдебуровым, говорится, что его похороны состоялись 14 августа (см. некролог П. Гайдебурова).